

18+

Илья Склад

СОЗЕРЦАЯ ОБЛАКА

Илья Склад

Созерцающая облака

«Издательские решения»

Скад И.

Созерцающая облака / И. Скад — «Издательские решения»,

«Созерцающая облака» — тридцать стихотворений о тишине, которая наступает после долгого пути, когда остаёшься один на один с горами, водой и небом, — разговор с древними китайскими поэтами на языке русского ветра и сосны у Енисея.

© Скад И.

© Издательские решения

Содержание

От автора, или Почему писатель ужасов заговорил о тишине	6
Почему «танский стиль»?	7
Что внутри	8
Для кого эта книга	9
От автора ужасов, который научился молчать	10
Созерцающая облака	11
Великое Единое	13
На западной башне	15
Восемь октав	18
Мудрость черепахи	21
Слушая цитру	24
В горах, где не встретить людей	27
Восхождение на пик Великой Белой	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Созерцающая облака

Илья Склад

*Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка,
весело порхающая среди цветов.*

Проснувшись, он не мог понять:

*то ли Чжоу снилось, что он бабочка,
то ли бабочке снится, что она Чжоу.*

© Илья Склад, 2026

ISBN 978-5-0069-9829-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора, или Почему писатель ужасов заговорил о тишине

Мне тридцать два. Много времени я провёл в дороге, и Россия — моя главная книга. Я видел Байкал в феврале, когда лёд трещит, как живой, и слышал этот звук изнутри палатки. Я ночевал на заброшенных маяках Белого моря, где ветер говорит голосами тех, кого уже нет. Я шёл по колено в снегу к перевалам Алтая и сидел на пепле древних городищ в степях Хакасии. Всё это не сделало меня географом. Всё это сделало меня писателем ужасов.

Потому что ужас — это не монстры. Ужас — это когда ты остаёшься один на один с бездной. А Россия умеет подводить к краю.

Но есть и другой полюс. После долгого перехода, когда ты сбросил рюкзак, развёл костёр и смотришь, как над хребтом застыло облако, — вдруг наступает момент, который я не могу назвать иначе как тишина слов. В нём нет страха. Есть только присутствие. Есть только ты и то, что больше тебя, — горы, вода, небо, время.

Эти тридцать стихотворений родились из таких пауз.

Я не востоковед. Я не претендую на аутентичность. Но когда я впервые прочёл Ли Бо и Ван Вэя в русских переводах, я узнал то, что чувствовал на берегу Телецкого озера или в тумане над Камчаткой. Оказалось, что китайские поэты VIII века уже нашли слова для того, о чём я молчал. И мне захотелось вступить с ними в разговор.

Почему «танский стиль»?

Эпоха Тан — это время, когда поэзия была не литературой, а способом дышать. Чиновник, уходя в отставку, писал стихи о сосне. Воин перед битвой — о луне. Отшельник в горах — о пустоте, которая вмещает всё. В их стихах не было разделения на «жанры»: ужас и красота, жизнь и смерть, вечное и мгновенное существовали в одной строке, как и существует в мире.

Мой путь к этой книге шёл через ужас — и это не случайно. Чтобы написать о тишине по-настоящему, нужно знать, как звучит её отсутствие. Чтобы воспеть покой, нужно хотя бы раз заглянуть в хаос. Мои российские дороги дали мне и то, и другое.

Что внутри

Тридцать стихотворений — это тридцать остановок на пути человека, который вышел из шума и пошёл туда, где лучше слышно. Здесь нет экзотики ради экзотики. Сосна — она и в танском Китае сосна, и на берегу Енисея. Облако плывёт одинаково над Великой Китайской равниной и над Валдаем. Луна одна на всех.

Я писал эти стихи в поездах, в съёмных квартирах, в палатке под дождём, в тишине библиотек. Я не думал о публикации. Я просто записывал то, что приходило, когда внутренний шум стихал и оставалось только это: смотреть и быть.

Для кого эта книга

Для того, кто устал бояться.

Для того, кто чувствует, что за гранью привычного ужаса есть что-то ещё — не менее огромное, но иное.

Для того, кто, как я, искал слов и нашёл их у древних китайцев, но заговорил по-русски.

Для того, кто хоть раз в жизни стоял один на краю — географическом или душевном — и вдруг понимал, что он не один, а часть всего.

Эта книга — не побег от реальности. Это возвращение к ней с другой стороны. С той стороны, где даже руины дворца, даже седина, даже прощание навсегда — часть великого, неразрушимого узора.

От автора ужасов, который научился молчать

Я продолжаю писать страшные истории. Но теперь я знаю, что за самой чёрной ночью всегда приходит рассвет. И в этом рассвете, если повезёт, можно увидеть, как над горой висит облако, которое никуда не спешит.

Эта книга — моё облако.

Созерцающая облака

На горный пик, где ветер сник и стих,
Где мох седой на валунах притих,
Пришел я, старый странник, и устал,
Но посох мой опорой кручам стал.
Сажусь на камень, холоден гранит,
А предо мной безмолвье и зенит.
Я поднимаю взор от дольных бед
Туда, где тает облачный хребет.
Смотри: плывет, как белый сон, гряда,
Она — верблюд, но вот уж нет следа.
Она — дракон, изогнутый в дугу,
Рассыпался на вешнем берегу.
То был дворец с карнизом золотым,
Развеян ветром, стал седым и злым.
То лик, что я любил, — но стерт, но пуст,
Стекает влагой из небесных уст.
Так что же есть форма? И где ее предел?
Кто эту башню выстроить велел,
Чтобы чрез миг, без звона и огня,
Разрушить, тени призрака гоня?
Мы все — как пар над утренней рекой:
То крепость, то туман, то вновь покой.
И я, сидящий здесь, в тиши камней,
Уже не тот, что был на дне морей
Минувших жизней. В памяти моей
Черты стираются прошедших дней.
Вот облако зависло, словно нефрит,
В нем солнца луч прощальный говорит.
Оно недвижно. Созерцай его:
В нем нет стремлений, нету ничего.
Оно не хочет плыть, не хочет быть,
Не хочет дождь на землю пролить.
Оно — лишь суть, без формы и без сил,
Покой, что Дао в сердце мне вложил.
И понял я: под этим небом синим
Мы жаждем форм, но их вовек отринем.
Движенье — жизнь, но мудрость — в тишине,
Где облако стоит на вышине,
Где ветра нет, где Вечность, словно храм,
Раскрыла взору свой нетленный хлам.
И только тот, кто форму отпустил,
Свой дух бессмертный в небе утвердил.
А облако плывет. Закат зажжен.
На посохе моем сияет он.
Я встал. Гора пуста. Ущелье спит.

Лишь сердце с Небом тихо говорит.

Великое Единое

Весна приходит в мир из пустоты,
Распутывая шёлковые листы.
Едва заметный пурпур на ветвях,
Как первый знак в небесных письменах.
То Дао выдыхает первый звук,
Не знающий ещё земных разлук.
Росток бамбука каменную твердь
Взломать способен — в нём таится твердь
Иного рода: гибкая, как сталь,
Ведущая в неведомую даль.
Я наблюдал, как набухает почка,
Как тянется к теплу цветочная цепочка.
В ней нет усилья, нет борьбы и мук,
В ней только следованье. Этот круг
Не знает цели, кроме Бытия,
И в этом суть, великая, ничья.
Вода в ручье спешит не потому,
Что хочет к морю — просто ни к чему
Ей оставаться. Так и я, и ты
Влекумы силой вечной полноты.
Но вот приходит лето. Зной и пыль.
Цикада точит времени костыль.
Созрели сливы, лотос отпылал,
И в каждой капле пота я читал
Печать небес. Крестьянин гнёт хребет,
Но в этом высший есть ответ
На зов земли. Он не раб, а слуга,
Чья воля с Волей Неба дорога.
Он семя бросил в борозду весной,
А осенью вернёт себе с лихвой
Не для наживы — ради полноты,
Где нет ни «я», ни «ты», ни «я и ты».
Теперь же осень. Иней на траве.
Холодный ветер в жёлтой тетиве
Свистит, срывая листья. Всё летит
В единый омут. Тот, кто был испит,
Вливается в того, кто будет пить.
Круговорот не в силах прекратить
Никто. Паломник на моём пути
Спросил: «Куда ты должен идти?»
Я отвечал: «Куда идут дожди,
Туда, где Вечность шепчет: погоди».
И вот зима. Молчанье. Тишина.
Под снегом спит зелёная волна,
Что летом здесь шумела. Спит зрно.

Всё в Белое Единое отлито.
Здесь нет различий между мной и пнём,
Между огнём в очаге и днём,
Что миновал. Здесь только снег идёт,
И в этом снеге Дао восстаёт
Из тех семян, что скрыты до поры,
Из той, неразличимой, кожуры.
О, Великое Единое! Твой лик
Я прозреваю в тот беззвучный миг,
Когда сосулька каплей о порог
Ударит, и немой звенит звонок.
В круженье этом — осень и весна,
И летний зной, и зимняя луна —
Я вижу не враждующие части,
А лишь Тебя, в Своей единой власти.
Ты — и росток, и камень, и вода,
Ты — мой приход, и Ты — уход туда,
Откуда нет возврата, но и нет
Разлуки, ибо Ты — всему ответ.
Так, сидя у заснеженной реки,
Где льды, как мысли, хрупки и легки,
Я слышу, как под толщей ледяной
Журчит поток, сокрытый пеленой.
И этот звук — не ропот, а обет,
Что Великое Единое — не бред,
Не вымысел, не сон, не миражи,
А то, чем сердце в тишине дрожит.
И я, дрожа, в безмолвии стою,
В Тебе теряя самость всю мою.

На западной башне

Поднялся я на Западную башню,
Где ветер гнёт столетнюю сосну,
Что корни в камень запустила
И кровлю черепичную пробила.
Ступени стёрты тысячами ног,
Но кто из них постичь бессмертье мог?
Никто. Лишь я, безумец, в поздний час
Взошёл туда, где Небо смотрит в нас.
Перила шатки. Я смотрю на юг —
Там реки, словно распустивший шнур,
Блестят под солнцем, выются вдалеке,
Как письма на бронзовом песке.
Там города, где люди, как муравьи,
Влекут свои заботы и бои.
Там дым костров, там пагода блестит,
Но с этой выси всё — лишь мелкий щит,
Закрывший от меня великий вид.
Я повернулся к западу. Туда,
Где гаснет дня вечерняя звезда,
Где гор хребты, как спины спящих львов,
Хранят молчанье древних городов.
Там Шёлковый великий путь бежит,
И караван в песках неразличим.
А дальше — край, где варвары живут,
Где птицы по-чужому нам поют.
Но Небу нет различий: что Чанъань,
Что та безвестная в степи герань —
Всё под одним бездонным колпаком,
Всё в Вечности растает, словно ком
Земли, упавший в омут. Что же я?
Песчинка, пыль, мгновенная струя
Дыханья, что замрёт на склоне дня.
Но странно: в этом одиночестве своём,
Над миром, словно над гнездом скворцом,
Я не томлюсь. Мне хорошо. Мне жаль
Тех, кто внизу, в ком бродит злость, печаль,
Кто делит злато, славу и почёт.
Им эта башня весть не принесёт.
Им не подняться выше суеты,
Где воздух редок, помыслы чисты,
Где только ветер, небо и цветы
Из белых туч.
Вдруг с запада, с полей,
Примчался первый вестник журавлей.
Их клин, как кисть, расписанная тушью,

Прочёл мне вслух послание. Я слушал,
Как крылья рассекают пустоту.
И в этом звуке, в этом вот листу
Осеннему, летящему во тьму,
Я вдруг прозрел единство. Потому,
Что я и журавли — одна семья,
Мы все летим, не ведая, куда,
Мы все стремимся в тёплые края,
Где нет разлуки, смерти и стыда.
Но я — не птица. Мне не улететь.
Моя дорога — здесь, вверху, сидеть
И наблюдать, как тает клин вдали,
Как растворяется в крови земли
Закатный луч.
Внизу уже темно.
Там зажигают лампы. Всё равно
Я вижу, словно дух, что воспарил:
Там женщина качает свой кувшин,
Там старец чинит ветхий свой забор,
Там юноша влюблённый смотрит в двор,
Где девушка срывает поздний цвет.
Им дела нет до башни. Им и нет
Нужды до Вечной Сути. Их удел —
Вести свой малый, но бесценный, дел
Круговорот. И я им не судья.
Я сам внизу, когда сойду сюда,
Вновь окунусь в кипенье бытия,
Забуду то, что видел с края
Небесной кручи.
Месяц молодой
Повис над старой, тёмною грядой.
Он светит мне. И тень моя длинна,
Она всю башню заняла до дна.
Она лежит на черепице крыш,
Она молчит, но я, пока ты спишь,
Тень, слышу твой безмолвный разговор
С той вечностью, что смотрит мне в упор.
Я начинаю медленный свой спуск.
Ступени помнят каждый шаг. Я пуст,
Опустошён возвышенной тоской.
Но в этой пустоте — велик покой.
Внизу ворчит привратник: «Господин,
Уж ночь. Я запираю. Вы один».
Я отвечаю: «Разве я один?»
Со мною Небо, ветер, клин, жасмин,
Что на стене цветёт, не зная зим».
Он не поймёт. Да и не нужно слов.
Я уношу с собою тихий зов
Той вышины, что стала мне родней,

Чем суета внизу минувших дней.
Я уйду. А башня надо мной
Стоит и меряет своей главой
Безмолвный купол. Я иду во тьму,
Неся частицу Неба потому,
Что посмотрел с неё. И этот взгляд
Теперь — мой дом, мой вечный, горький клад.

Восемь октав

Восьми ветрам открыт мой старый дом.
Я на полу рисую угольком
Черты, что древний Фу Си увидал,
Когда на панцирь черепахи пал
Луч Первой Мысли. В этих трёх чертах —
Небесный свод, земля в своих пластах,
Огонь и влага, гром и горный кряж,
И ветер, и вода. Какой мираж
Вместил в себя все сущее? Молчи.
Смотри на знаки, что в ночной печи
Мерцают, словно угли. Вот Цянь —
Три сплошных черты. В них Неба длань.
В них творчество, в них сила, в них отец,
В них солнце, что встаёт на окоём сердец.
Здесь нет излома, нет преград и стен.
Здесь только мощь, объемлющая тлен
До высоты, где воздух голубой
Густеет в мысль. Я черт держусь рукой.
А вот Кунь — разорванные три черты.
Земля, что принимает все мечты,
Все семена, всю грязь, всю кровь, всю плоть.
Она — как мать, что не устанет полоть
Ростки судьбы. Она покорна, но
В её покорстве зреет всем зерно.
Без Кунь нет Цянь. Без Цянь нет Кунь. Они —
Как вдох и выдох в этой тишине.
Смотри: Чжэнь — внизу сплошная, над ней
Разрыв. То гром, что из подземных дней
Взлетает в небо. Страх и пробужденье.
То первое весеннее движенье,
Когда дракон, дремавший под горой,
Вдруг шевелит хвостом над детворой
Цветов и трав. Он движет, он творит
Тот трепет, что в основе всех лавин.
А рядом — Сюнь. Две сильных сверху, вниз
Разрыв. То ветер. Он не знает риз,
Не знает стен, не ведает границ.
Он — проникание. Он — стая птиц,
Чей клин невидим, но чьё пенье — здесь.
Он мягко гнёт бамбук, рождая спесь
Упорства в гибкости. Он учит: тот,
Кто гнётся, — устоит, когда пройдёт
Пора тайфунов.
Вот Кань — вода.
Внизу разрыв, вверху разрыв. Беда?

Опасность? Да. Но и глубь, и поток.
То сердце, что стремится на восток,
Не зная брода. Лёд и глубина.
Здесь жизнь сокрыта, здесь она темна,
Здесь рыбы спят и корни ивы пьют.
Здесь учатся: не всякий, кто поют
Победный гимн, — спасается. Кань — то,
Что учит плыть, не ведая про дно.
А вот Ли — огонь. Сплошные по краям,
Разрыв внутри. Плавающий вулкан,
Что замер, изваянием став. Ли —
То ясность, красота, то свет вдали,
Что манит путника. Но берегись:
Внутри разрыв — там пустота, каприз,
Там пепел, что скрывает жар и боль.
Ли — это знание: яркая юдоль
Питается тем, что сгорает в ней.
Не подноси ладонь. Умей, умея
Смотреть, не прикасаясь. В этом суть
Огня, что освещает длинный путь.
Смотри на Гэнь. Сплошная сверху, две
Разрыва под. Гора. Она везде,
Где неподвижность. Каменный алтарь.
Где мысль кончается. Где замкнут шар
Земных скитаний. Гэнь говорит: «Стой.
Здесь твой предел. Дыши. Обрыв крутой.
Не лезь. Внутри себя ищи хребет,
Который выше, чем любой кряж, лет
Не знает, ибо создан из тиши».
Гэнь — это страж у врат твоей души.
И наконец — Дуй. Внизу сплошная,
Над ней разрыв. То озеро, живая
Вода, что отражает небеса.
То радость, тихий смех, молодая роса
На лепестках у лотоса. Дуй — то,
Что разрешает быть. Он как никто
Приемлет всё: и солнце, и луну,
И грозный Цянь, и чёрную волну
Глубокого Кань. Он — зеркало. В нём суть
Любой черты находит свой приют.
Он говорит: «Ты здесь. Ты отражён.
Твой путь изгибом в Небе завершён».
Восьми ветрам открыт мой старый дом.
Я все черты перебираю в нём,
Слагая гексаграммы. Шестьдесят
Четыре двери предо мной висят
На петлях времени. Войду ль? Зачем?
Я не гадатель. Я — ничей, ничем
Не связан, кроме этой тишины,

Где восемь нот вселенной сплетены.
Цянь — это до. Кунь — это ре. Чжэнь — ми.
Сюнь — фа. Кань — соль. Ли — ля. Гэнь — си
Безмолвья. Дуй — высокая струна,
Где радость с грустью пьёт из чашки дна.
Одна черта меняется — и мир
Иной. Вчера был пир, сегодня — сир
И наг. Вчера был страх, сегодня — смех.
Одна черта рождает новый грех
И новую святость. Один штрих
Меняет всё. Так помысел, что тих,
Что только зародился в глубине,
Вдруг разрывает, словно на войне,
Твой прежний лад. Следи же за чертой,
Что держишь ты дрожащею рукой.
Я уголь отложил. Гляжу в окно.
Там снег идёт. Ему не всё равно,
Куда ложиться: на сосну, на прах,
На старый пруд, на пагоды в горах.
Он падает, не ведая числа,
Он — как черта, что в Вечность проросла,
Сплошная белизна без перемен.
И в ней — покой, освобожденье, плен.
Восьми октав мне мало. Я хочу
Сложить девятую — как свет лучу,
Что не вместить в триграммы. Я молчу.
А уголь стынет. Я опять учу
Ту азбуку, что Небо мне дало.
И на полу, где было так светло
От знаков, — только пыль. И снег. И мгла.
И мысль, что я постиг, но не спасла.

Мудрость черепахи

Забытый храм. Обрушился карниз.
Сквозь щели в камне кипарис пророс.
Ни благовоний, ни лампад, ни свеч.
Лишь ветер продолжает древнюю речь
С драконом, что на стёртой черепице
Уже не может даже пошевелиться.
Я шёл сюда неведомо зачем.
Быть может, чтобы стать совсем ничем
В глазах богов, покинувших алтарь.
Но здесь нашёл я каменный словарь,
Что старше слов.
В квадрате старый пруд,
Где лотосы давно уж не цветут.
Вода черна, как тушь в горшке писца,
Что написал все свитки до конца
И умер. Ряска, словно изумруд,
Но мёртвый. Тишина. И тут,
На камне, что оброс седым лишаем,
Увидел я Её. Мы все решаем,
Узрев такое, отвести глаза
Или признать, что нам грозит гроза
Прозрения.
Огромна. Панцирь — щит,
Который тысячу мечей вместила
И не треснул. Шея — словно ствол
Драконова хребта, что произвол
Времени и зим в узоры превратил.
Глаза — как два колодца. Кто испил
Из них, тот видит то, чего уж нет,
И то, что будет через тысячу лет.
Она смотрела на меня без век.
И был ли я пред нею — человек,
Или трава, или тень от облаков?
Не знаю. Я присел у берегов
Того пруда и замер, словно ждал
Ответа, хоть вопроса не задал.
Мы долго так сидели. Время шло
Сквозь нас, как сквозь разбитое стекло —
Беззвучно и без боли. Я дышал,
А Черепаха — нет. Она держала
Дыханье тысячелетия. Внутри
Той паузы, что дольше, чем зари
И полночи круженье, зреет суть.
И я боялся на неё взглянуть,
Но и не мог свои отвести глаза.

Вдруг на воде возникли образа:
Вот Фу Си чертит знаки на песке,
Вот Лао-цзы уходит вдалеке
В заставу Ханьгу на быке своём,
Вот Ли Бо пьёт с луной и с журавлём,
Вот я — мальчишка, рвущий тростники,
Вот я — старик у мёртвой у реки.
Всё это плыло в чёрной глубине
Её зрачков, и было ясно мне:
Я — только рябь на озере времён,
Мгновенный всплеск, и вот уж поглощён
Пустыней забвенья.
Она ждала,
Пока я сам пойму, что все дела,
Все помыслы, все страхи и мечты —
Лишь пена на поверхности. А ты,
О Черепаха, знаешь глубину,
Где всё едино: я иду ко дну,
Всплываю, исчезаю, вновь рождён,
А ты всё та же. Неба небосклон
Менялся над тобой: огонь и лёд,
Потоп, и засуха, и вновь народ
Слагал дворцы, чтоб рухнули они.
Ты видела начала
И видишь все концы. Но что есть «конец»,
Когда ты носишь на спине ларец,
Где Время спит, свернувшись, как змея?
Я понял: мудрость не была моя
И не была ничья. Она — как ты:
В ней нет стремленья, нету суеты,
Нет цели, нет желания учить.
Она лишь позволяет вещам быть
Таковыми, как они в основе есть.
И это «есть» — единственная весть,
Которую ты мне передала
Без слов, без жестов. Просто приняла
Моё присутствие, как пруд — звезду.
Я встал. Пора. Но прежде, чем уйду,
Я поклонился низко, до земли.
И мне казалось, что в ответ пришли
В движение воды, ряски и травы,
Как будто бы и выдохли и вы
Признали мой приход и мой уход
Частями одного. И этот свод
Небесный, что над храмом нависал,
Вдруг стал не чужд. Я более не знал
Того, что знал до встречи. Тишина
Была полна. И древняя стена,
И пруд, и камень, и Она на нём —

Всё стало мной, и я стал всем, огнём
И влагой, верхом и глубинным дном.
Я ухожу. Тропинка подо мхом
Ведёт обратно в мир. Но я несу
В себе тот пруд, ту ряску, ту красу
Неведомую, что древней красот.
Я не искал ответа на вопрос,
Но получил его. Он прост и дик:
Будь, словно камень, что водой проник,
Но не размок. Будь, словно панцирь, стар,
Но помни: в нём живой таится жар.
И не спеши. У вечности в долгу
Мы все, но Черепаха на лугу
Забывшего пруда не знает срока.
Она — как Дао, что всего истока
Безмолвный страж.
Внизу, в долине, дым
Восходит от деревни. Едкий, злой,
Он тянется к безоблачным седым
Холмам. А там, на камне, под сосной,
Осталась Черепаха. И она
Сейчас, наверно, смотрит, как луна
Восходит над горой, как тень ползёт,
Как ряска пруд всё больше занесёт.
Ей всё равно. Ей ничего не жаль.
Она — живая, вечная скрижаль,
На коей Небо пишет свой указ
Для тех, кто понимает без прикрас.
А я иду. Мой посох — как строка
На свитке, что свисает с костылька
Столетней ивы. Путь мой завершён,
Хотя и не окончен. Я прощён
За то, что жил. И я прощаю тех,
Кто не заметит этот тихий смех
Воды, сомкнувшейся за чередой
Событий. Я иду к себе домой.
Но дом мой — там, на камне у пруда,
Где Черепаха смотрит в никуда
И видит всё. Я — только луч, что пал
На панцирь и навеки там пропал.

Слушая цитру

Мой друг, отшельник с северных холмов,
Пришёл ко мне под сень моих дубов.
Он молча снял заплечный свой ларец,
Где спал цитры задумчивый певец.
Мы сели на террасе. Вид окрест
Был тих и пуст. Лишь аистовый крест
Чертил закат над дальнею горой.
И друг мой тронул струны. Под рукой
Родился звук — как первый вздох земли,
Когда из тьмы светила изошли.
Сначала был гул. Низкий, словно гром,
Что спит в ущелье подо льдом и мхом.
Он не просил вниманья, он просто плыл,
Как дым костра, что небу опостыл,
Но всё ж стремится ввысь. И этот гул
Меня всего собою обманул:
Я перестал границу сознавать
Меж мной и звуком. Некому внимать,
Но есть одно — звучанье и покой,
Сплетённые, как ива над рекой.
Потом возник мелодии росток.
Он был как первый робкий лепесток
На ветке сливы посреди зимы.
«Откуда ты? Из неба или из тьмы?» —
Хотел спросить я, но уста сомкнул.
А звук всё рос. Он ширился, тянул
Куда-то вдаль, за горный перевал,
Где я когда-то юностью бывал.
И вот уж не росток, а целый сад
Цветущих вишен свой струит наряд
Мне прямо в душу. Белый, чистый цвет
Осыпал мысли, и в глазах уж нет
Ни друга, ни террасы, ни дубов —
Лишь этот сад, безбрежный, без углов,
Где каждый лепесток — отдельный звук,
Где нет печали, нет тоски разлук.
Но вдруг — обрыв. Рука над струнами зависла.
Мой друг застыл. И я услышал смысла
Глубинный ток, что скрыт был за игрой.
В той паузе, наполненной горой
Молчанья, я услышал всё, что он
Хотел сказать, но не дерзал. Поклон
Отвесил я той тишине внутри,
Что громче всех симфоний и зари.
А он всё длил безмолвие. И в нём

Мне чудились: и снег, что за окном,
И ветер, что гуляет по стерне,
И лунный свет на каменной стене,
И крик совы далёкой, и сверчок,
И палый лист, попавший в ручеёк.
Всё это пело, но без голосов,
Без нот, без струн, без жестов и без слов.
И я постиг: цитра — только дверь,
А музыка — безмолвие, поверь,
Которое врывается в пролом
Меж нот, когда мы внемлем, но не в том
Смысл, чтобы звуки слушать, а чтоб в щель
Взглянуть туда, где вечная купель
Рождает всё из пены тишины.
Мой друг вздохнул. И с новой стороны
Полился звук. Но он уж был иной.
Теперь в нём слышался осенний зной,
И пыль дорог, и топот лошадей,
И грохот битв, и плач малых детей,
И смех красавиц в шумном кабаке,
И мудреца молчанье в уголке.
Вся жизнь людская, весь водоворот
Страстей, надежд, падений и забот
Свивался в этой музыке тугой.
И я смотрел как бы со стороны
На самого себя, на суету,
На ту жестокость и на ту тщету,
Что движет нами. Горько стало мне.
И слёзы навернулись. В тишине
Они упали на циновку. Друг
Заметил это. И прервал свой круг
Звучанья. Он накрыл ладонью струны,
И мир замолк. Ни неба, ни луны,
Ни гор, ни рек — лишь тишина одна,
Которая до краешка полна
Всем, что мы слышали, и чем мы стали
За тот миг.
Молчали мы. Молчали
О том, что слов не просит и не ждёт.
А за окном уж ночь. И звездочёт
Свой посох поднял к северной звезде.
Я налил чаю. В тёмной борозде
Огня в печи мелькнула искра. Друг
Отставил цитру. И сомкнулся круг
Вечерней встречи. Говорить о том,
Что мы слышали, — всё равно что в дом
Горящий заносить ведро воды:
Уже не помощь, только лишь следы
Попыток тщетных.

И я спросил его:
«Ты что играл?» Он поднял от всего
Лица глаза. «Не знаю, — был ответ. —
Я просто слушал то, чего уж нет,
И то, что будет, и того, кто я,
И то, что есть лишь миг небытия
Меж ними. Струны сами за меня
Слагали песнь, которая ничья».
Он улыбнулся. Мы допили чай.
И он ушёл. А я смотрел в печаль
Ночного неба. Звёзды в вышине
Мерцали, словно струны при луне
Невидимой. И слышал я в ночи
Тот самый гул — далёкий, как лучи
Угасших солнц. То пела тишина,
Что до начала мира рождена
И после смерти мира будет петь.
И я не смел ни кашлянуть, ни впредь
Загадывать. Я просто был. Я спал
С открытыми глазами. И внимал.

В горах, где не встретить людей

Я ухожу. Тропа среди камней
Уже не помнит поступи людей.
Быть может, здесь когда-то жил монах,
Чей посох обратился в жалкий прах,
А может, зверь прокладывал свой путь
Туда, где можно от всего уснуть.
Не знаю. Да и знать мне ни к чему.
Я просто внемлю леса одному
Глухому звуку: ветка хрустнет вдруг,
И тишина смыкает этот звук,
Как океан глотает каплю. Тут
Лишь сосны да туманы, что растут
Из каждой щели.
Вот жильё моё —
Лачуга, где гнилое вороньё
Уже не селится. Соломой крыт
Дырявый верх. Но небо говорит
Сквозь эти щели звёздным языком,
Который мне всё больше стал знаком
С тех пор, как я покинул мир людей.
Здесь нет зеркал, и я не стал мудрей,
Но стал спокойней. Отраженье луж
Мне заменяет бронзу. Я не муж,
Не сын, не друг, не подданный, не гость.
Я — просто тень, упавшая на горсть
Сосновых игл.
Здесь утро настаёт
Не петухом, а тем, что запоёт
Пичуга малая на старом пне.
И я встаю не в тягостном огне
Забот дневных, а в холоде росы,
Что на ресницы падает. Часы
Здесь не текут — они лежат пластом,
Как камень, мхом поросший. А потом
Вдруг обернутся месяцем. И ты
Не замечаешь этой маеты
Мирской, где каждый миг на счёт кладут.
Здесь одиночество — не горький труд,
А полная, как кубок через край,
Наполненность. Ты сам себе не край,
Не центр, не периферия. Ты — всё
И ничего. Ты — ветер, что несёт
Самого себя, не зная цели. Ты —
Вода в ручье, что моет животы
Валунов древних. Ты — лишай на них,

Седой и цепкий. Ты — в корнях лесных
Глухой, неспешный, бесконечный рост.
Я выхожу наружу. Возле звёзд
Ещё темно, но уж восток зардел.
Я поднимаю свой остывший тел
На гору, что за хижинкой моей.
Там, наверху, где нет уже корней,
А только камень, ветер и простор,
Я провожу свой утренний дозор.
Но я не страж — я тот, кого хранят
Все эти дали. Сотни верст подряд
До горизонта — горы и леса.
Внизу туман, как белые власа
Седого старца, землю оплетает.
И в этом море островом всплывает
Вершина дальняя. Я узнаю
В ней лик того, кто жизнь прожил мою
До моего рожденья. Мы молчим
Друг с другом. Нам не нужен этот дым
Пустых речей. Мы — два холма, и нас
Соединяет взгляд. В рассветный час
Он золотист, как абрикос в саду
Бессмертных. Я смотрю и не уйду,
Пока всё солнце не взойдёт над кряжем.
И в этот миг я становлюсь не нашим —
Не человеком. Я — часть вершин,
Часть света, что касается сосны,
Часть ветра, что тревожит седину
Тумана. Я — лишь то, что я верну
Земле, когда придёт последний срок.
А днём я в лес спускаюсь. Там поток
Бежит меж камней, пеной бормоча
О чём-то древнем. Я беру с плеча
Корзину, собираю дикий мёд,
Грибы, орехи, коренья. И вот
Мой скромный стол на целый день готов.
Здесь пища не из мяса и скотов,
А из того, что небо и земля
Даруют сами, никого не для.
Я ем, и в каждой ягоде лесной
Мне слышен вкус свободы неземной.
Потом я сяду на уступ скалы,
Где видны облаков густых валы.
Они плывут торжественно, как сны,
Которые ещё не сочинены.
Их тени проползают по горам,
По рошам, по зелёным кружевам
Лиан и мхов. И я слежу за той,
Что накрывает домик мой пустой,

Потом сползает к дальнему ручью.
И в этот миг я снова узнаю
То чувство, что забыл в миру людей:
Что я не больше, чем поток теней
По вечному лицу земли. Но в том
Величие: быть только лишь пятном,
Что движется по склону бытия,
И знать, что эта тень — не часть моя,
А я — лишь часть её. Мы заодно.
Здесь нет друзей. Но это не темно
И не печально. Каждая сосна —
Мне старшая сестра. Вода со дна
Ручья — мой младший брат, что вечно юн.
Туман — мой гость, что без ненужных струн
Играет мне безмолвную кантату.
Я не ищу ни злата и ни злату
Подобных благ. Я счастлив тем, что есть.
И в этом счастье — неземная весть:
Что человек не должен покорять,
Не должен рвать, делить и умирать
В мученьях жадности. Он должен слыть
Тем, кто он есть: частью того, что быть
Способно вечно, если не мешать.
А вечером, когда начнёт дрожать
Заря вдали, я разведу огонь.
Он небольшой — чтоб только мог ладонь
Согреть и трубку угольком зажечь.
Я сяду на порог. И будет течь
Вокруг меня безмолвная река
Ночных туманов. И издали,
Быть может, волчий одинокий вой
Нарушит тишь. Но он — как часовой,
Что проверяет: жив ли тот, кто в доме?
И я отвечу вздохом. В этом томном,
Глухом краю я стал как зверь, как птица,
Как мох, как камень. Мне уже не снится
Былое. Я не помню имена,
Не помню лиц. Я — только тишина,
Которая глядит на этот мир
Глазами гор, озёр, камней и дыр
В листве осенней.
Скоро ляжет снег.
Тогда мой дом — как затонувший ковчег
На дне зимы. Я буду ждать весну,
Не торопя. Я не усну,
Но и не буду бодрствовать. Я стану
Подобен льду на каменном стакане
Замёрзшего ручья: прозрачен, нем,
Границу не творящий меж «здесь» и «всем».

И в этом состоянии — благодать,
Которую словами не объять.
О вы, кто там, внизу, в пыли и мгле,
Считаете, что жизнь — в добре и зле,
В служенье, в славе, в золоте, в детях,
В паденьях и победных воротах!
Поверьте, есть иной, беззвучный путь,
Где можно, наконец, передохнуть
От самого себя. Где ты — не ты,
А только часть безбрежной пустоты,
Что всё вмещает: звёзды, грязь и высь.
Где на вопрос «зачем?» один ответ: «Молись
Без слов, без просьб, без жестов. Просто будь
Тем, что ты есть: травой, что топчет грудь
Земли, и ветром, что траву колышет,
И тишиной, которая всё слышит».
Я уйду всё дальше в глубину
Безлюдных гор. Я больше не верну
Обратно в мир. Да и куда? Мой дом
Теперь — везде, где мох, туман и гром,
Где сосны гнутся под дождём косым,
Где облака плывут, как белый дым
Из труб невидимых. Я растворюсь
В пейзаже этом, словно в рисе гусь.
И кто-нибудь, бредя через года,
Увидит только камень у пруда,
Да пепелище, да гнездо дрозда.
И не поймёт, что здесь была звезда,
Что здесь была душа, что здесь был я.
Но это — правда высшая моя:
Не оставлять следов на полотне
Земли. Скользить, как луч по крутизне,
Как тень по склону. Быть — и не мешать
Другим быть тоже.
Я учусь дышать
Тем воздухом, что не считал людей.
Я уйду всё глубже. Всё слышней
Здесь тишина. И вот уже она —
Не звука отсутствие, стена,
Вернее — купол, что объемлет всё.
Я в нём живу. Я в нём свой крест несу,
Свой посох, свой огонь, свою печаль,
Что стала светлой, как в тумане даль.
Я в нём умру. И будет хорошо.
Здесь, в горах, где людей не встретил никто.

Восхождение на пик Великой Белой

Ещё во тьме, при свете звёзд седых,
Я вышел из ворот деревни Тихой,
Что прилепилась к подножию горы,
Где Великая Белая миры
Земные отделяет от небес.
Я шёл один. Мой посох — словно бес,
Что подгоняет путника вперёд.
А в небе месяц, тонок и урод,
Как сломанный клинок, ещё висел.
И я на тот клинок не раз глядел,
Пока тропа вилась среди камней.
Сначала лес. Здесь воздух потеплей.
Сосна и ель, орешник и бамбук
Смыкаются, как верных стоек круг,
Над головой. Здесь птицы не поют,
Лишь изредка какой-то странный гул —
То ветер в кронах ищет свой приют.
Я шёл и думал: «Вот так и живут
Все, кто внизу: в тени, в тепле, в пыли,
Не зная, что вершина — край земли,
За коим только небо и простор».
Но вот уж лес редееет. С этих пор
Тропа крута. Дышать всё тяжелей.
И каждый шаг как будто бы длинней,
Чем прежний.
Вот уж нет вокруг дерев.
Лишь горный луг. Здесь, душу отогрев,
Пасутся облака. Они ползут
По склонам, словно белый, тихий скот,
Щипая влагу из травы сырой.
Я сел на камень. Пот с меня горой
Катился градом. Я взглянул назад:
Внизу, в долине, люди, как агат
В оправе пашен, суетятся. Дым
От их костров восходит, словно к ним
Сама земля стремится в небеса.
Но не достигнет. Глупы чудеса
Людских усилий. Только тот, кто сам
Поднимется к высоким парусам
Земного тела — к этим вот камням,
Поймёт, что значит «быть наедине
С тем, что превыше».
Встал я. В тишине,
Где даже ветра нет, лишь хруст шагов,
Пошёл я дальше. Здесь уж нет лугов.

Здесь камень голый, крошево и прах.
Здесь даже ящерицы нет в щелях.
Здесь жизнь скупа. Здесь только мох да лёд,
Что даже летом в трещинах живёт.
И в этой скудости — своя краса:
Здесь ближе небо, и его роса
Не пачкается пылью. Здесь, мой друг,
Ты понимаешь: мир, что там, вокруг
Тебя внизу — лишь тень, лишь бледный сон.
А здесь — реальность, что со всех сторон
Одета в белый, девственный покров.
Я шёл. Ущелье, словно грозный ров,
Зияло слева. Справа — крутизна,
Где каждый камень — смерти белизна,
Готовая сорваться. Я приник
К стене, моля, чтоб миновал сей миг
Опасности. Но страх мой был не тот,
Что в битве или в бурю восстаёт,
А чистый, древний, словно первый страх,
Когда душа, ещё в земных цепях,
Вдруг чует близость Вечной Пустоты.
И вот он — снег. Сначала, как цветы,
Разбросанные ветром по камням,
Потом — пластом, что жмётся к ступням
Всё толще, всё белее. Я ступал
По насту, что хрустел и оседал.
И каждый шаг был как сквозь толщу лет
В иное царство, где земной уж нет
Опоры. Воздух стал разрежен, сух.
Он жег гортань. Но я смирял свой дух
И шёл всё выше.
Вдруг передо мной
Распался мир на две стены крутой
Расселиной. А там, в её конце,
Свет ослепительный, как на венце
У Будды. Я пошёл на этот свет,
Не чуя ног. И вот уж сотни лет
Мгновений минули. Я вышел. Я
Увидел то, о чём молю, друзья,
Небесных духов: пик Великой Белой.
Здесь снег не тает. Здесь душой и телом
Вступаешь в область чистого огня,
Что холодом зовётся у меня,
Невежды. Здесь нет ни границ, ни туч.
Здесь солнца беспощадный, острый луч
Сверкает так, что больно и слепцу.
Здесь ветер дует, словно по лицу
Не плотью — духом. Здесь, на высоте,
Где даже мысль о прежней суете

Казалась бы кощунством, я стоял,
Один, над миром. Словно пьедестал,
Вершина эта возносила дух
Туда, где нет ни глаз, ни даже слуха,
Но есть одно — присутствие всего.
Внизу, подо мной, мир, как вещество
Единое, раскинулся. Горы,
Как волны океана, до поры
Застывшие. Долины, словно дно
Безбрежного бассейна. Всё одно,
Всё слитно: лес и пашня, град и храм.
И я подумал: «Там, внизу, я сам
Когда-то жил. Я был частицей той
Огромной, шевелящейся, густой
Материи. Теперь я вне её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.